

K1962928

C. Zuhant

СЕРГЕЙ ЧУХИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Северо-Западное книжное издательство
Архангельск
1982

Чухин С. В.
Ч-96 Стихотворения.— Архангельск: Сев.-Зап. кн.
изд-во, 1982.—80 с., ил.

«Стихотворения» — шестой сборник вологодского поэта Сергея Чухина. Его составили избранные стихи из предыдущих книг, изданных в Архангельске и Москве, а также новые произведения, рассказывающие о делах и заботах тружеников Нечерноземья, мыслях и чувствах нашего современника, своеобразной природе Русского Севера.

0742 — 024
Ч М157(03)-82 4-24-82

P2
ББК 84Р7

Чухин Сергей Валентинович

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор А. А. Иванов
Оформление художника Д. В. Медведева
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. А. Цинис
Корректоры Н. С. Дурасова, В. А. Фокина

Сдано в набор 18.09.81 г. Подписано в печать 6.11.81 г.
ГЕ04536. Форм. бум. 70×90¹/₃₂. (бум. офсет. 75 г).
Рубл. гарн. Высокая печать. Физ. печ. л. 2,5.
Усл. печ. л. 2,925. Уч.-изд. л. 3,905. Тираж 10000.
Заказ 6495. Цена 60 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2
Областная типография, г. Вологда, Челюскинцев, 3.

© СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1982 г.

* * *

Ах как ласточки реяли в выси!
Межным сеном тянуло с полей,
И слетались вечерние мысли
На огонь сигаретки моей.
Шли подводы деревнею грузно,
За подводами шли мужики.
Нам для горести многое нужно,
А для счастья совсем пустыки:
Только б ласточек в выси,
Да эту
Вечереющую благодать,
Да еще докурить сигарету,
И заснуть...
И проснуться опять.

* * *

Сваленные травы под ногами,
Наверху темнеют облака.
Небо пахнет первыми снегами,
Можно говорить наверняка.
По округе холоднее стало.
Оттого и хрипнут петухи,
И давно не собирают стадо
Выборные наши пастухи.
Наши реки вдруг захолонули,
Только в избах держится тепло,
Только утки тихо повернули
С правого на левое крыло...

* * *

Далеко, за темными холмами,
Сердцем понимая доброту,
Медвежонка мужики поймали,
Круглого лесного сироту.
К молоку сначала приучили,
Прочно скотили конуру,
А потом и вовсе приручили
И гулять пускали по двору.
Маленький, способный до науки,
Перед сельской бойкой детворой
Мишка вытворял такие штуки,
Что дивились взрослые порой.
Но когда, почувствовав силенку,
Мирным ожиданьям вопреки,
Он задрал шальную собачонку,
Затужили наши мужики:
«Жалко хлопнуть экого повесу».
И свели беднягу за село.
«Поброди-ко ты, браток, по лесу,
Посмотри-ко разного всего».
Может, вырос некогда послушный,
Но погиб, я думаю, скорей.
Слишком добрым стал и простодушным,
Потому что жил среди людей.

* * *

Благословенны дни покоя.
Милы, безоблачны, близки
И эти лодки на приколе,
И всплески мягкие реки.

Вода, пронизанная светом
(Она теплей под вечера),
Рыбак, пришедший за советом, —
Полны привета и добра.

И ветер, облетая сушу,
Незримо, но наверняка
В людей свою вдыхает душу,
Как в дерева. Как в облака.

* * *

Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой —
Все скосили, просушили и поставили в стога.
У кузнечика хромого с треугольной ногой
Не шумит над головою разноцветная тайга.
Подкосили наше лето, ах, под самый корешок,
Покатилось красно солнышко, позолотило рожь...
И ночами выстывают в речке камень да песок...
Что, кузнечик, что ты плачешь? Плачем лета
не вернешь.
Посажу тебя, пожалуй, не в карман, а в коробок,
Поживи на теплой печке, духом яблок подыши.
Тихой радостью осенней запастись надо впрок,
Свежим сеном и листвою устилая дно души.
Тучи толстые нахлынут, и когда посыплет снег,
И когда не остановишь ни на чем уставших глаз,
Ты напомним мне, кузнечик, мой зеленый человек,
Тишь, луга, ржаное поле... Это будет в самый раз.
Поплотней прикроем двери, да растопим нашу печь,
И погреемся немного у веселого огня.
Ах, кузнечик, я не в силах это лето уберечь,
Как товарищ по несчастью понимаешь ты меня!

* * *

Пускай со мной душа моя умрет,
Пусть без нее наступит время года,
Пусть без нее воды круговорот
Продолжит неусмная природа.
Пускай со мной душа моя умрет,
В другое тело не перелетая,
Другой душе не принося забот,
Пускай со мной душа моя умрет,
Невечная, спокойная, простая.

Не надо мне заоблачных высот,
Где пустота сознание убивает.
Пускай со мной душа моя умрет,
Но только раньше пусть не умирает.

* * *

Шуршат сухие ивняки,
И холодны на дне реки
Недавно теплые пески,
И пусто на пологом поле.
И эта темная река
Спокойна и неглубока,
Стоят спокойно облака
И лошади на водопое.
Качая зыбкие мостки,
Полощет мать половики:
«Покуда ведрены деньки,
Покуда встры стали тише...»
И дале причитает мать,
Что надо все перестирать,
Пока дожди полосовать
Не начали по нашей крыше.
Приходит матушка домой
И, прислонясь к печи спиной,
Подолгу говорит со мной,
Что вянут за деревней склоны
И, зная, зима недалеко...
Стоят спокойно облака,
Спокойна тихая река,
И только люди беспокойны.

* * *

Мне жалко покидать реку,
Где пахнет выловленным илом,
Где, занесенное разливом,
Лежит бревно,
А по песку
Гуляют гуси.

Жалко мне
Оставить яблони лесные,
Поляны светлые...
Отныне
На незнакомой стороне
Среди привычной суеты
Случайный шум ветвей напомнит
И холодок просторных комнат,
И лес, и друга, и цветы.
Неповторимая пора!
Она продлилась только лето,
Но ей спасибо и за это:
За луг, реку и дым костра.
Пускай с друзьями я не раз
Еще увижу эти воды,
Другие это будут годы
И все другое встретит нас.

* * *

До свиданья, родная сторонка!
Чемоданчик в руке и билет.
Откровенно, слезами ребенка,
Мне заплакала девушка вслед.
Отвалил пароходшко ветхий
От знакомых домов и берез,
И, веселый, по палубе верхней
Я шатался, не слишком тверез.
И поехала жизнь, завертелась!
Чемоданчик потерял, ну что ж...
Не скрываю, порою хотелось,
Чтобы времечко, глупое сплошь,
Воротилось!.. Но разве вернется!
А не верить нельзя — потому,
Может, счастье еще улыбнется,
Да и сам улыбнешься ему.
Так прости же, родная сторонка!
Лишь одно не отмолится, нет,
Как открыто, слезами ребенка,
Мне заплакала девушка вслед.

* * *

Сияет Ясная Поляна.
Не видно суеты нигде.
Светла, отчетлива, багряна
Листва застыла на воде.
Найду высокую аллею,
Найду покой и полутьму,
И, гость незванный, пожалею,
Что нет хозяина в дому.

* * *

На улице,
Наверно, застывает.
Ночь ветрена,
Морозна и ясна.
И засыпает,
Тихо засыпает
Усталая от разных дел
Жена.
Во сне
Пусть от нее отступят страхи
За мир и лад,
За близких и родных...

Горят в печи, потрескивая, плахи,
А у трубы, наверно, жмутся птахи.
Мне так бы всех
Согреть хотелось их!
То слышу я гудки далеких станций,
То слышу я голодной птицы крик,
То слышу я шум ветра меж акаций...
Бессонной ночи
Жалобный язык!
И вдруг меня сомнение охватит,
И я встаю в волненьи, —
Как же быть...
Чтоб целый мир согреть,
Души не хватит,
А между тем
Ее должно хватить.

ДЫМ РАЗЛУКИ

* * *

Поле перемечено стогами.
Далеко родимое село.
На Руси, засыпанной снегами,
Стало малоллюдно и светло.
Под полозьями скрипит дорога,
Сонную тревожа благодать.
Нет над миром ни звезды, ни бога,
И пустыне некому внимать.
Встанет на обочине прохожий,
Иногда попросит табачку
И уйдет, на остальных похожий,
К тусклому жилому огоньку.
И опять потянется равнина.
И опустит шею вороной.
И душа от холода хранима
Этим снегом, этой тишиной.

* * *

Кончилось осеннее ненастье,
Ожили озимые в земле.
Разве это не большое счастье
На Руси, забывшей о тепле?
Так светло, что о зиме не думно,
Курят, балагурят мужики.
А давно поленицы обдуло,
И пора бы им в дровяники.
Не найдешь в деревне человека,
Что хотя бы с виду был сердит.
Как начало золотого века,
Золотой денек такой стоит.

Кончилось осеннее ненастье,
Вот и перемена на земле,
Вот и снова привалило счастье
Людям, позабывшим о тепле.

* * *

Листвы караваны
За осенью следом
По плесам широким
Тянутся.
Лесные поляны
Покроются снегом,
А наши следы
Останутся.
Мы в речке купались.
Мы сено косили,
Поставили скирды
Толстые.
Грибные дожди
По ночам моросили,
Косить-то с утра —
Удовольствие!
И вот откупались,
И вот откосили...
Что в будущем с нами
Станется?
Листвы караваны
По речкам России,
По плесам широким
Тянутся.
Дровишки подсохли,
И жито дожато,
Сиди —
Не слезай с лавочки!
Но лета крылатого
Все-таки жалко,
Особо
Последней ласточки.
Уже пожелтела,
Пожухла отава,
Свалаясь
От первого инея.

Земля притомилась,
Остыла, устала...
Передохни,
Милая!

* * *

Стужа на душе и непогода,
И ничей не радует привет.
Словно на причале парохода
Ночью ждешь, а парохода нет;
Словно друга лучшего обидел,
Указал рукою на порог,
Словно я беду его предвидел,
Да предотвратить ее не мог.
Хмуро, знобко, как в сыром подвале...
Но порой полезны сквозняки,
Чтоб живую душу не заткали
Сытого довольства пауки.

* * *

Открою дверь на легкий стук:
Спасибо почте!
О друге вспомнил,
А письмо уж тут как тут!
И мир не то чтобы добрей,
А как-то проще,
Когда вокруг
Твои товарищи живут.
И если встанешь
На краю большого риска,
Они придут к тебе на помощь:
— Не беда! —
Тебе открыты их кредиты,
И прописка
Тебе открыта в доме каждого
Всегда.

Открою дверь на легкий стук:
Спасибо почте!
Она всегда письмо приносит,
Если ждешь,
И мир не то чтобы добрей,
А как-то проще
От первой строчки,
От вопроса:
— Как живешь?

• • •

Бессонницы тревожный бред.
То беспричинная забота,
То слышу — хлопнули ворота,
А выйду —
Даже следу нет.
Задумаюсь — и снова мне
Почудится знакомый шепот,
И на крыльце неясный топот,
И взоры быстрые в окне.
Мягутся тени прошлых дней,
Как серая ночная вьюга.
И вдруг лицо бывшего друга
Воскреснет в памяти моей
Живым укором...
Что со мной?
Как будто все, кого обидел,
Сюда сошлись,
В мою обитель,
И тихо встали за спиной.
О, если б спас меня рассвет,
Но сколько было их, рассветов!
Не меньше, чем благих обетов...
И все равно покоя нет.
Приходит ночь, и в тишине
Опять знакомый слышен шепот,
И на крыльце неясный топот,
И взоры чуются в окне...

* * *

Люблю ночной порой не зажигать огня.
Как будто сон цветной, плывут передо мною
Места родимые не в ясном свете дня —
Места родимые под белую луну.
Туман с реки, туман ползет на берега.
Не дни, а вечера пока поостывали.
Под белую луной лишь редкие стога
В тумане том едва всплывают островами,
Напоминая мне июльский сенокос,
И жадных оводов, и страх пред каждой тучей!
Но кончилась, прошла пора полночных гроз!
Ни тени на пути, пути звезды падучей...
Деревня тихо спит. Собаки даже спят
Незлобные, забыв про полные ворота...
Полночных деревень незаблемый уклад.
...А солнце где-то там дойдет до поворота —
И взгляду открывается окрест
На месте быстрой речки гниль и сырость,
На месте пахоты ольховый серый лес...
Куда и почему все кануло и скрылось?
И я задумываюсь, голову склоняя...
Как будто сон цветной, плывут передо мною
Места родимые не в ясном свете дня —
Места родимые под белую луну.

* * *

Столько грязи опять и осеннего холода столько,
Что лугами и то далеко от села не уйдешь.
На осеннем костре начинает попискивать тонко,
Начинает попискивать по-комариному дождь.
По сырому жнивью разбрелось беспастушное стадо.
Сплоховал сенокос: шли дожди с Петрова на Илью.
Чтобы на зиму сена у каждой хозяйки достало,
До мороза и снега коровам ходить по жнивью.
И кого же не тронет осенняя эта картина,
Если ветер и дождь и ночами тускнеет жнивье!
Так чиста в наготе своей, так беззащитна равнина,
Что без слез невозможно открыто взглянуть на нее!

* * *

Летит листва, легко черкает оземь.
Пришла пора туманов и дождей...
Как незаметно наступила осень
На небогатой родине моей!
Не прозевали люди,
Опростили
В корзины
Простодушные леса!
И прекратились крики за кустами,
И отпорхали птички голоса...
Усталая природа затихает,
И дай ей бог зимой не знать тревог!
Мой костерок неслышно затухает,
Мой костерок —
Мой теплый островок.
Трепещет пламени душа живая,
Стремясь набрать высокую высоту!
И, словно жизнь свою продлить желая,
За хворостом ныряю в темноту.
Мне выедает очи дым разлуки,
Но, утирая слезы, я молчу
И так к огню протягиваю руки,
Как будто друга
Удержат хочю.

• • •

Ни звезды, ни ясна месяца, —
Костерок горит в ночи,
И бесшумно тени мечутся,
Как огромные сычи.

Слышно — рядом речка токает,
Ходит перепел в овсе,
Лошадь спутанная топает
Да катается в росе.

Ни проезжего, ни пешего —
Тишина и благодать!
Никакого больше лешего
Не желаю пожелать:

Ни звезды, ни ясна месяца...
Мне теплее на земле,
Если тени тихо мечутся,
Костерок горит во мгле.

* * *

Покрыты сплавом берега реки.
Над омутами наклонились ели,
И устилают илстые мели
Тяжелые тупые топляки.
А мы-то шли сюда издалека,
А как мы об ушице-то мечтали...
Напрасно только снасти размотали
Да натаскали дров для костерка.
И кто сказал, что рыба здесь берет?!
Пришла пора подсчитывать потери:
Повывелись доверчивые звери,
Вот так и до людей дойдет черед.
Но я сейчас живу другой бедой, —
И долгими дорожными часами
Все та река стоит перед глазами,
Как в страшной сказке, с мертвою водой.

* * *

Она давно живет одна.
Помолится неслышно богу —
И смотрит, смотрит из окна
На онемелую дорогу.
Надеялась — не дождалась.
Пережила какие грозы!
...Четыре года кровь лилась,
И тридцать лет, как льются слезы.

* * *

Полузабытой дорогой неспешно шагаю,
Топаю тихо на дальний мерцающий свет
Мимо деревни, названья которой не знаю,
Мимо ручья, у которого имени нет.
Что-то не слышно собачьего звонкого лая,
Что-то не видно привязанных в поле телят.
Значит, деревня, как многие здесь, нежилая —
Вон лопухи в огородах какие торчат!
Слышал, раскольники здесь поселились когда-то,
И коренились, и каждый мужик был угрюм.
Жили прижимисто, круто, зато и богато;
К ним поученья писал протопол Аввакум.
Миром сводили леса под свои огороды,
Под сенокосы и пашню, работка — воловией под стая!
Нет, для крестьян не случаются легкие годы,
Даром земля не накормит, хотя и кормилица-мать.
Нет уж давно тех, что крепко держались раскола.
Здешний погост — он в малине, в смородине весь...
А у потомков закончена средняя школа,
Всюду их встретишь, но только, пожалуй, не здесь,
Где ни веселых детей, ни собачьего лая...
Топаю дальше на дальний мерцающий свет
Мимо деревни, названья которой не знаю,
Мимо ручья, у которого имени нет.

* * *

Постой же! Погляди сюда —
Теней густые невода
От елей темных вдоль пруда
Легли, не замутили воду;
И день сошел по небосводу,
И вышла первая звезда
Светлей, приветней, чем окно,
Что другом другу зажжено
На бездорожье, где темно,
Где осень заменила лето...
Но сердцу, видимо, и это
Не все равно... не все равно...

* * *

Душа, словно птица, пуглива.
Не целые дни напролет,
А вечером здесь, у обрыва,
Короткое время поет.
Единственно, бедная, рада,
Забыв про еду и питье,
Что скрыто от жадного взгляда
Гнездо потайное ее.
Шумят над землею березы,
Сентябрьский предчувствуют дождь.
И копят, копят слезы,
А плачешь — и, значит, живешь.
Душа потому и пуглива,
Что тайно и трудно живет,
Но вечером здесь, у обрыва,
Короткое время поет.

* * *

Дрова подсохли на повети.
Речная выстыла вода.
На добром свете, белом свете
Установились холода.
Не слышно окриков людей.
Видны в окне густые гривы
Подслеповатых лошадей,
А дальше —
Желтые обрывы
Реки.
Пониже, у моста,
Деревня встала тихим чудом.
Забыты богом, но не людом
Мои равнинные места.
С утра хозяйки топят печи
И о погоде речь ведут.
Снега придут — апреля ждут,
А там до лета недалече...
И так всегда.

ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТ

* * *

Осенняя заря, заря глубокая
Горит и гаснет через полчаса.
И только птаха, птаха одинокая
Пустынные пронзает небеса.
Ни шороха, ни звука постороннего,
И летние туманы отцвели...
А сколько гроз высоких похоронено
Здесь, под напластованьями земли!
А сколько вдоль дороги пораскидано
И строгих дум, и песен без вина...
Чего родной землей не перевидало,
Чего не переслышала она!
Чего не повидали эти поженки,
Где ивянки толпятся по краям,
Где нежно прилегают подорожники
К неизлечимым рваным колеям.
Но говорить о прожитом не хватит ли?
Порой колюча память, как жнивье.
И разве сын напомнит старой матери
О возрасте и хворости ее?
Усталая, безмолвная, ранимая,
Пусть отдохнет земля моя, пока
Вечерняя заря, заря равнинная
Свой бледный отблеск шлет на облака.

* * *

А. Романову

Опять, робея, ухожу под липы,
Где гуще мрак при первой же звезде.
И снова слышу шорохи и всхлипы,
Как, впрочем, бы услышал их везде,
Где б ни остановился в эту пору.

Вдруг вскрикнет птица, страхом пронята!
Но и звериному едва ль доступна взору
Такая ножевая темнота.
О чем в ночи бормочет старый сад?
Какие заклинанья вспоминает?
Все те же ли, что сотни лет назад,
Куда людской не проникает взгляд?
Хочу я знать, чего никто не знает.
О чем над нами шепчутся листья
И так согласно, не по-человечьи?
О как бы я хотел перевести
Все шорохи осенней темноты
На человеческое косное наречье!
Как странен свет надмирного огня!
Ночное дерево вдруг надо мной вздыхает...
Не поняло ли, старое, меня?
Хочу я знать, чего никто не знает.

* * *

Мама жизнь прожила,
И у мамы
Грустный взгляд,
Понимающий взгляд.
Не люблю,
Когда трезвые хамы
О любви к человеку
Твердят.
Знаем
Эту любовь к человеку...
Вот сидит он —
Само торжество!
Нет,
Такой не обидит калеку —
Он совсем
Не заметит его.
Но зато
На торжественных датах
Он цитатами сыплет в упор!
Если совесть его —
В адвокатах,
То моя для меня —
Прокурор.

Потому
Освещенным во мраке
У меня
Остается окно,
Что в соседнем
Широком бараке
Люди спать завалились
Давно.
Что им снится
В ночи бескручинной?
Детям — яблоки и коньки,
И довольные жены —
Мужчинам,
Женам —
Смирные мужики.
В общем,
Каждый о чем-то мечтает,
А калека во сне
И поет!
Но светает,
Светает, светает,
Как судьба,
Неизбежен восход.
Ночь короче,
Короче, короче,
И сливаются вновь у меня
Пожелания
«Доброй вам ночи!»
С пожеланьями
Доброго дня...

* * *

Передо мною
Чистая страница,
Но не свяжу в волнении
Двух слов.
Давно все спят,
И только мне не спится:
Мой час настал —
И это ноль часов.
Едва глаза,
Как чуткий зверь, прикрою,

Опять угрюм
Встаю из-за стола.
Да,
Черный день сегодня прожит мною...
Так, может, ночка
Выпадет светла?
В который раз
Испытываю муку,
Клянусь себя
Во слабости своей,
Что снова
Не тому я подал руку,
Кто в этот миг
Нуждался, может, в ней.
Не надо встреч
С ветхозаветным адом,
Довольно вспомнить
О минувшем дне...
Мне показалось,
Промелькнули рядом
Твои глаза
В автобусном окне,
Они глядели
С тайной укоризной...
И вспомнил я
Забывший мною кров!
И снова день
Заканчиваю тризной,
Заканчиваю тризной
В ноль часов.
Мне жизнь не льет
За воротник елею!
Но, подчиняясь здравому уму,
Я на ошибках собственных
Взрослею,
Чужие
Не научат ничему.
Дневная
Перевернута страница,
Мрак законный
Исчерна-лилов.
Давно все спят,
И только мне не спится:
Мне дальше жить —
И жить с нуля часов.

* * *

Люди вынули зимние рамы.
Нету сна никому от грачей.
И, наверное, дома у мамы
Под порожек пробился ручей.
И, наверное, маме не спится,
Ночь подходит уже под конец...
Если спится, то что же ей снится?
Хорошо б, не покойный отец,
Хорошо б, не беспутные дети...
Одного только хочется мне,
Чтоб подумалось ей на рассвете
О грядущем сегодня письме,
Чтобы не было ей одиноко.
И, участие к ней сохраняя,
Я хочу, чтоб у маминых окон
Кто-нибудь постоял за меня.
Дорогая моя, золотая,
Были б крылья — к тебе прилетел
Вслед за этой грачиною стаей.
От бессонниц, от книжек и дел.
Но не в слове тебе утешенье.
Надо просто приехать, обнять,
И попробовать с чаем варенье,
Двор весенний расчистить опять.
Как бы птицы тогда ни кричали —
Сны бы светлые жили в избе...
А пока — мне не спится ночами...
Как-то, милая, спится тебе?

* * *

Мне тяжело,
Когда, верно привычке,
Вокруг снует
Холодное жулье
И подбирает
Разные отмычки
К моей душе,
Чтобы взломать ее.

Мне тяжело,
И я спешу забыть
В кругу друзей,
Под сенью чьих-то крыш.
Мне тяжело,
И я спешу забыть
В лесную глушь
И полевою тишь.
Мне тяжело,
Я головой качаю,
Когда, домой придя
Издалека,
Все реже я
У милой замечая
Улыбку,
Словно вспышку маяка.
Мне тяжело,
И я спешу на волю
С единственным желанием —
Скорей!
Как птица к небу
И как пахарь к полю,
Так я
Привязан к родине своей.
И не бывает
Счастья в одиночку,
Куда б за ним
Ни ехал далеко.
Пора смириться
И поставить точку:
Мне тяжело...
Ну а кому легко?

* * *

Вадиму Кузнецову

Столько зелени на островах,
Все так ягодно, рыбно и ново,
Что посмотришь и вымолвишь: «Ах!» —
И добавишь веселое слово.
Сам, бывало, большой говорун,
Убегу от ребячьего крика

И верхом оседлаю валун,
Что замшел, как столетний владыка.
Погляжу на родные края,
Где в березах наметилась просинь.
Вижу лето из августа я,
Вижу я и заветную осень.
До чего хорошо на земле!
Жил бы вечно, всему удивляясь,
В бескорыстном купаясь тепле,
Бескорытной водой умываясь,
Собирая чернику в лесах,
Окунишек пугая негрозно...
Но посмотришь и вымолвишь: «Ах!»—
Как все просто и как невозможно.

* * *

Ах, опять на равнинах безбрежных,
Посмотри, как пошли и пошли
Пузырьки одуванчиков нежных
Из глубин изумрудной земли.
И затейливей северных кружев,
И причудливей сказки иной
Золотистым узором калужниц
Оторочены речки весной.
На полянке, средь птичьего крика,
Не научена счастье скрывать,
Пятикрыло цветет земляника
И готовится ягодой стать.
Разве хватит обычного сердца,
Чтобы выдержать ласковый взгляд?
Голубыми глазами младенца
Нам вослед незабудки глядят.
И султанами пышно качая
На густом предосеннем ветру,
Зоревые цветы иван-чая
Подожгли на осинах листву.
Это все нам не даром дается:
И луга, и святые цветы...
Это все, что в России зовется
Человеческим счастьем!
И ты
Поброди по лугам и полянам,

Полежи у земли на груди,
И не тешься обычным обманом,
Будто лучший твой день впереди.
Может, жизненный путь завершая
(Хоть и долгих желаю годков),
Не захочешь ни ада, ни рая,
А холщовых
Во ржи
Васильков.

* * *

Вечеровые птицы отпели.
Тени легли вкось.
И задремал я под шепоты ели...
В детстве малиновом, в колыбели
Мне так легко спалось.

Мама в ночи колыбель качала:
«Спи-ка, сыночек мой...»
Песни текли без конца и начала,
Каждую песню она венчала
Медленным: «О-о-ой...»

Тени по стенам тихо метались,
Лампы огонь гас.
Что же мне снилось, что же мечталось —
В яблоках конь ли, хлеба ли малость?
Разве вспомнишь сейчас.

Маминых песен не помню ни слова,
Только напев живет,
Тот, что сыновним песням основа.

Воспоминаний соломинка снова
Мимо меня плывет.

* * *

Над Ростовом не звенят колокола.
Представляю, что за музыка была,
Если медный с двухпудовым языком
Перекликнется с простым пудовичком!
Отыграла эта музыка давно,
Разве изредка запишут для кино.
Прикусили языки колокола...
Как представляю, что за музыка была, —
Помолчу да покачаю головой,
Тоже... «колокол на башне вечевой».

* * *

Полжизни прожил,
Не умея жить.
Со мной всегда
Семь пятниц на неделе!
Мне предлагают
Опыт одолжить
Те, что имеют опыт
В этом деле.
Один
Ходить умеет по кривой,
Другой
Полезные знакомства копит...
Но как непросто
Быть самим собой,
Перенимая
Столь холодный опыт.
Запоминаю,
слушаю,
молчу.

Хотя наука
Туго подается.
А сам
Людей чему я научу,
Коль буду пить
Из всякого кол-одца?
Живая жизнь —
Она не такова!

Она вольна,
Как заовинный ветер!
А опыт виснет,
Словно жернова,
На шее тех,
Кто знает все на свете.
Да и чего
С меня, конечно, взять?
Мне этот опыт
Тягостен и скучен.
Пойду-ка я
Куда-нибудь гулять,
Всему учен,
Но не всему научен.

* * *

Качнулись под крылом дерева
И вот назад, назад пошли.
И ты от жизни повседневной
Оторван вдруг, как от земли.
Глядишь на все заботы немо.
Сгори они и пропади!
Сейчас с тобою только небо
И осень, осень впереди
С ее красою невеликой,
С неярким солнышком в лесу,
С ее грибами и брусничкой,
И удочкою на весу.
И там, у тихого течения,
В зубах травинку теребя,
Ты не ищи ни в чем значенья,
Ищи себя, ищи себя...

* * *

Горька у старика судьбина.
А все проклятая война!
Дала медали, ордена,
Но отняла жену и сына
И навсегда лишила сна.

Выходит ночью на крылечко,
Потом достанет самосад,
И долго дымные колечки
Седыми нимбами стоят.

* * *

Давно ли здесь — скажи на милость —
Сияла жесткая листва,
А как погода изменилась,
Как облетели дерева!
И все, что рдело и сияло,
Чем любовались мы, смеясь,
Теперь и слепо, и устало
Ногами ступываем в грязь.

* * *

Лепечет дождь
В открытое окно,
Что прокатилось,
Кончилось веселье
И превратилось
Летнее вино
В ненастное
Осеннее похмелье.
Деревья
С непокрытой головой
В мое окно
Заглядывают снова.
И мир живой,
Верней — полуживой
Зовет меня к себе,
Полуживого.
Надену плащ
И кепку натяну,
И с крохотной
Надеждой на спасенье
Уеду в бор
И встану под сосну,

32

Как верующий
Под благословенье.
Да,
В мире все живут своей бедой —
Открытие,
Что сделано не нами.
Лесные раны
Залиты смолой,
Людские раны
Залиты слезами.
И даже здесь,
В протяжной тишине,
Осевшей на брусничники
И хвобю,
Деревьев дрожь
Напоминает мне
О ветре
Над моею головою...

* * *

Г. Горбовскому

Подвигаюсь к вечному порогу.
До чего ж не хочется идти!
Только как забыть про ту дорогу
Или сбиться где-нибудь в пути?
Постою у теплых сосен сада,
Он полдневной напоен смолой.
Постою... А ведь идти-то надо.
До свиданья, друг столетний мой!
Посмотрю на голубую иву.
Солнце ей оплавило края!
Что бы раньше подивиться диву...
До свиданья, милая моя.
Реченька родная, до свиданья!
Я не стааил невода по дну.
Может быть, водицы на прощанье
Мне наплещешь пригоршню одну?
Так я все люблю! И даже жутко,
Что в последний раз отметит взгляд,
Как в сырой канаве незабудки
Рядом с маргаритками стоят.

2—6495

33

И всему земному мирозданию,
Где цветет и золотится май,
Каждый день шепчу я: «До свиданья...»
Каждый день боюсь сказать: «Прощай...»

* * *

В. Горынцеву

Темна осенняя вода.
Пусты осенние боры.
Никто не ставит невода.
Никто не правит топоры.
Лишь перекликнутся — «Ау!» —
Наохленные грибки.
Но сколь ни вороши траву,
А отошли боровики.
Что говорить — боровики...
Взгляни на ближнее село:
Его гулянья у реки,
Костры, нарядные платки,
Ну, словом, красные деньки —
Все миновало, отошло.
Придет угрюмая зима,
Когда не выйдешь из ворот.
По брови занесет дома,
С ума метелями сведет.
И пусть уже пусты боры,
И пусть вода в реке темна,
Однако с утренней поры
Уйду из дому допоздна.
И пусть последний боровик,
И пусть последний окурек
Продлит на миг, еще на миг
Осенний срок, последний срок.

* * *

Небеса с одной-единой тучкой,
Как я ждал погожего денька!
Струдились опята тесной кучкой
На покато́й лысине пенька.

34

Отварю в водиче подсоленной,
Угощу домашних, воротясь.
В тишине прохладной, просмоленной
Пошатаюсь, как удельный князь.
В этих чистых елках и осинах
Среднерусский, нестеровский вид;
Пауки летят на паутинах,
И листва багряная летит.
Шаю́т кроны в шелесте и шуме...
На душе в такие вечера
Нету места одинокой думе,
Что придет угрюмая пора,
Что притихнет скоро дикий голубь
Над моим дощатым чердаком,
Что во льду едва прорубишь прорубь,
Как метель залижет языком.
Это после... А пока прогнозы
Нам пророчат счастье и покой,
И плывут упругие стрекозы
Над похолодаюю водой.
С каждым днем быстрее под закаты
Стайми уходят журавли,
И сверкают листья, как заплата
На сиротском платье земли.

* * *

Сближаем страны и народы,
Пускаем шахты и заводы,
Перепахали целину...
А где-нибудь в поселке Устье
Такое встретишь захоlustье,
Что просто скажешь: «Ну и ну!»
В кирзу обу́тая девчонка,
Всегда закры́тая лавчонка,
И гам, и пиво у ларька,
Ползет селповская телега,
Возница сед, лошадка пега,
И пахнет дождиком...
Тоска!
Спусти́сь к реке, где волны пляшут
И где удилищами машут
Ребята с раннего утра.

35

И там, под побережной кручей
Ты вдруг поймешь, что все же лучше
Тебе живется, чем вчера.
Ведь это так неповторимо,
Когда и пароходы мимо
И мимо все грузовики.
И волны плещут в желтой пене,
И, как цыгане при обмене,
Руками машут мужики.
Какая русская картина!
Вот на паром взошел детина,
Присвистнул, грохнул каблуком! —
И отвалил паром могучий...
И девушка махала с кручи
Детине славному платком.
У каждого свои заботы,
Свои по жизни повороты,
Своя любовь, свое крыльцо.
Но в эту жизнь взглядеться надо,
И это высшая награда —
Глядеть открыто ей в лицо.

* * *

И хотел бы в деревню родную,
Да пустили ее на распыл.
И хотел бы запеть удалую,
Да старинный мотив позабыл.
Голо все, словно после набега
Золотой зачумленной орды.
Лишь былинка торчит из-под снега
Там, где прежде стояли сады.
Только ветер гуляет над полем,
Закатившийся в наши края.
Он, конечно, судьбою доволен,
Бездомовный, как, впрочем, и я.
Мне бы тоже за ветром умчаться,
Бросить эти края — и умчаться!
Чем былинкой над снегом качаться,
Чем пеньком на дороге торчать.
Только сердце навеки пристыло
К той земле, что магниту сродни,

Где и летом нечасто гостило
Красно солнце в холодные дни,
Где теперь замедляет дороги —
Скоро будет совсем не пройти! —
И откуда застывшие ноги
Все не могут меня унести...

* * *

В старинном прионежском городе,
Где мог бы чудом стать трамвай,
Сидим не в голоде, а в холоде.
Печей не топят: как же! — май.
А что за май! Цветет черемуха,
И холод ниже до костей,
Как будто с ледяного омута
Летел сюда встречать гостей.
А мы туда и собираемся
За окуньком да за ельцом.
Табачным дымом согреваемся,
А кто желает — и пивцом.
Ну что, поехали? Поехали!
Простуду привезем легко!
И мы со смехом и помехами,
Но все же вышли в озерко
И встали на заветном омуте..
Тут ветер стих как на заказ,
И облака лесной черемухи
Со всех сторон теснили нас.
И мы заметили, заметили,
Как там, приветствуя народ,
За облаками-то за этими
И наше солнышко встает.

* * *

Ах, милая моя! Да я бы,
Будь рыцарем — не мужиком,
То посвящал тебе не ямбы,
Жизнь посвятил бы целиком.

Однако жизнь такая штука,
Ее на все хватить должно:
Работа, заседанья, скука,
Друзья, приятели, вино.

Моя нескромная особа
Немного б стоила, когда
Не эта каторга до гроба
Порою сладкого труда.

Но вижу — ты уже в обиде,
Что я не безраздельно твой,
И даже в неспортивном виде
Являюсь иногда домой.

Не ахаю, а что тут ахать!
И ты не ахай — поостынь!
Конечно, жизнь моя не сахар,
А без тебя была б — полынь.

И потому давай не будем
Корить друг друга напоказ
И делать жизнь веселой людям,
Которым весело без нас.

* * *

— Начнем, — умолял я, — сначала! —
Оставим, — просил я, — раздор!
Она, помолчав, отвечала,
Безжалостен был приговор.
— Забудь про минувшее лето
И больше меня не тревожь!
— Ну что ж, — отвечал я на это.
И, дверь прикрывая: — Ну что ж...
Но тут же и стыд и досада
Нахлынули в резкой тиши,
И горечь осеннего сада
Ложилась на горечь души.
И вдруг полетели виденья:
Счастливые он и она...
О, как я хотел пробужденья
От жизни, от страшного сна!

Да что тут на жизнь обижаться,
Одно оставалось опять:
Иль сила — от слез удержаться,
Иль мужество — их не сдержать.

* * *

От снов о тебе и бессонниц
Избавлюсь, — наступит же срок!
Достаточно я из оконца
Высматривал синий платок.
На память наложено вето,
Но трудно с ней сладить, когда
Приходит июньское лето,
Спадает большая вода.
И снова ко мне на ступени
Ложатся, прохлады полны,
Полудня чеканные тени,
Пушистые тени луны.
И песня рассветная птахи,
Столь нежная, прежняя столь,
Приносит нежные страхи,
И слово, и слезы, и боль.
В такие часы я не знаю,
Зачем на реку ухожу
И на воду ветви бросаю,
И вниз по теченью гляжу...

* * *

Здесь ты жила. Вот здесь росли цветы,
Где нынче лебеда с чертополохом.
Я часто вспоминал наш дом со вздохом
И наши ночи вспоминал...
А ты?
Вернулся я. Лишь галка на трубе
Меня своим приветствовала криком.
И в этом запустении великом
Особо стало вдруг не по себе.
Сиреневые тощие кусты...
Давно ль, давно ль, полны красы и силы,
Такие гроздья к окнам подносили,
Что я пьянел от запаха!

А ты?
Да и зачем мне душу беречь
И в комнаты входить совсем нагие?
Дом спит в какой-то странной летаргии,
Мне одному его не разбудить.
Зато проснулись прежние мечты,
Те, что, казалось, в сердце потонули.
Давно, давно они меня тянули
Сюда прийти! И я пришел...
А ты?

* * *

Ушла жена от мужика.
Встречаются молодки!
И вот один,
И вот тоска,
И вот бутылка водки.
Потом пошел трясти деньгой
Направо и налево.
Он бабы не хотел другой,
Его
Святое дело.
Потом покинул свой приют,
Ища приюта в мире,
Когда уже в глаза плюют
Соседи по квартире.
А он угрюм,
А он молчит,
Потухла папираса.
Лишь собутыльникам ворчит:
«С откоса
Так с откоса...»
И что ему двадцатый век,
Печатная бумага!
Вот погибает человек,
Обычный работяга.
И как помочь?
И чем помочь?
Он допивает водку
И тяжело уходит в ночь
Поспать
В чужую лодку.

Он спит там
Или же не спит,
Кто в этом разберется?
Дрожит звезда его,
Дрожит,
Того гляди:
Сорвется...

* * *

Породистые — не подыщешь слова!
Как объясняют конюхи — кровя..
Наверно, родословная иного
Древней, чем родословная моя.
Они приходу нашему не рады,
Косят глазами, шею гнут дугой.
У них у всех медали и награды,
А у меня ни той и ни другой.
Но я просил бы их не задаваться!
Я видывал получше жеребцов.
Мне приходилось с ними вместе браться
За воз один, но с двух его концов.
Они, конечно, были поскромнее,
Простые работяги, а не львы.
Они стирали хомутами шеи
Лишь для того, чтоб сыты были вы.
И потому — прощайте, дорогие! —
Прижмите ваши пышные хвосты.
Нам и лошадки дороги другие,
Да и свое понятие красоты.

* * *

На таежной станции цыгане
Закатились табором в вагон.
Сразу, как в вечернем ресторане,
Шум и гам пошел со всех сторон.
Да, народец пестрый, даже странный...
Непонятно, где зимует он?

Пролетело полдесяток станций —
Покидают табором вагон.
И опять палатки ставят в яоле,
Где-нибудь повыше, над рекой...
Что у них за тяга к дикой воле?
Мы давно забыли о такой.

* * *

Над рекой слоистые туманы.
Катер часто подает гудки.
Лодочки качаются за нами,
Доньями скребутся о пески.
Близкою черемухою тянет...
Берег милый, родина моя!
Соловей раскатится — и станет...
Слышу только сердце соловья.
Птаха ведь, а тоже просит ласки
И от самой малой входит в дрожь.
И стоишь, мужик, и веришь в сказки,
Что на первой пристани сойдешь.
Но едва причаливает катер,
Блажи той уже в помине нет.
Лучше не смотреть на дебаркадер —
До конечной пристани билет.

* * *

Гармоники разгульно пели
На Троицу и на Ильин.
И кони празднично храпели
Все в новой сбруе как один.
Бывало страшновато, в общем,
Среди подвыпивших ребят,
Среди разгульных поножовщин,
Когда сходились ряд на ряд.
Тут каждый пил и завирался
Во что горазд, насколько мог.
Тут с перелугу заливался
Родной милиции свисток,

На памяти все это было,
Быльем с годами поросло
Все, что гуляло и грубило,
И сапогами пыль мело.
Те времена прошли глухие,
Но встрепенется в сердце кровь —
И песни старые, лихие
Сижу и напеваю вновь.
Понятно мне: иное время,
Иная музыка гремит.
Но та живет во мне, как семя
В земле, что больше не родит.

* * *

Опять взошла, взошла звезда вечерняя
И под крыло взяла мои края.
До станции какого назначения
Летит без остановки жизнь моя?
Друзья мои, до шуток ли, до смеха ли?
Подсчитывать пора — и не рубли...
Учебники прошли и жизнь — проехали,
Так что же мы в итоге привезли?
В пыли дорожной годы наши таяли,
И без ответа на устах немых:
Когда и где нас девушки оставили?
Когда и где мы оставляли их?
С какой поры отстали песни бойкие,
С какой поры негромкие поем,
И жесткими довольствуемся койками,
И малым согреваемся теплом?
С какой поры над этими равнинами,
Как жаворонок, плещется душа,
Над этими сырыми яровинами,
Над этим костерком у шалаша?
Забылися былые потрясения,
Но пред глазами все стоит ольха,
Что рада бы от паводка весеннего
Чуть отступить, подальше от греха.
Она стоит у самого течения,
Ей моет корни чистая струя.
И всходит над ольхой звезда вечерняя
И под крыло берет мои края.

НОЛЬ ЧАСОВ

* * *

Снова на родимой стороне,
Снова я у мамы, да у печки,
Да в лесу, да в поле, да на речке...
Больше ничего не надо мне.
Разве окунишек на уху
Да грибов каких-нибудь десяток.
Каждому скажу как на духу —
Вот и весь и хлеб мой и достаток.
Снова тропы старые торю,
Молодые годы вспоминаю
С ощущеньем жизни на краю,
И не видно ни конца ни краю...

* * *

Стоит июль. Стоит жара.
Колодец есть, но нет ведра.
И, значит, воду каждый дом
Здесь достает своим ведром.

А это значит — много лет
Здесь мира не было и нет.
Недаром на дверях замки,
Собак железные клыки.

Недаром дети на привет
Глядят испуганно вслед.
Здесь пахнет все недаром!
Поджогом и пожаром!
Недолго до беды...

Не надо нам воды.

* * *

Такое дождливое лето,
Какого не помнят давно:
Ни солнышком не обогрето,
Ни ягодой не красно.

Одно остается — работа,
Всегда остается одно.
Забудешься — и неохота
Глядеть понапрасну в окно.

С вестями не ждешь почтальона,
Какой по дождю почтальон!
А песня дождя монотонна,
Наводит на дрему и сон.

Притихли деревня и поле.
Мир холоден, черен и гол.
Какой-нибудь пьяница, что ли,
По улице с песней прошел!

И странное чувство такое
Преследует душу, как бред:
Среди тишины и покоя
Как раз вот покоя и нет.

ХУДОЖНИКУ МИХАИЛУ БРАГИНУ

Ах, эта жизнь — гори она огнем!
Давай, мой друг, махнем куда попало,
Давай вдвоем немного отдохнем...
Мы столько были под людским судом,
Что вышнего бояться не пристало.
Да только ли в багетях золотых
Возможно счастье? Нет, оно повсюду:
Меж елей, темнотой налитых,
В морозах, что захватывают дых,
В любом цветке, уже подобном чуду.

Поехали! Не все ли нам равно...
Куда-нибудь в деревню, недалече,
Где не горчит, а радует вино,
Где не гремят под вечер в домино,
Где умных лиц не делают при встрече.
Осточертели вечные ханжи,
Что взглядами, как банными листьями,
Картины облепили, витражи;
И облепили слово ржавью лжи;
И преуспели в том, и не устали.
А мы от них давай передохнем
Да примемся за старую работу —
Смешаем ночь с быстробегающим днем
И за рога судьбу свою возьмем,
Не погрешив в работе ни на йоту.
Пускай вослед нам слухи заснут,
И каждый будет сплетней приукрашен;
Пускай ханжи нам суд произнесут...
Мы столько раз судимы были тут,
Что божий суд — и то уже не страшен.

* * *

Рыбными были реки,
Были леса грибными,
Певчими были птицы,
В чаще таился зверь.
Вы посмотрите, люди,
Что происходит с ними,
Даже не происходит —
Произошло теперь.

Выйдешь ли в рощу — голо,
Выйдешь ли к речке — пусто,
Выйдешь ли в поле — вдруг да
Жаворонки звенят?
Но ни единой песней
Вас не одарит утро.
Дождик прошел, а нету
И луговых опят.

Эй, лесовик из детства
Да с бородой козлиной,
Эй, лесовик богатый,
Где же твоя казна?
Только грибник случайный
Ходит с пустой корзиной,
По миру так ходили
В давние времена.

Только тогда — по градам,
Только тогда — по весям,
Только теперь — по рекам
Да по пустым лесам.
Вот и рыбак без рыбы,
Вот и грибник невесел,
Нечему веселиться...
Не веселюсь и сам.

Хочется земляничный
Кустик найти на кочке,
Только холодным лето
Выдалось, как на грех.
Насобираю шишек —
Все же утеха дочке! —
Все, что отец оставил
Ей от своих утех.

* * *

Стоит одинокая хата,
Нехитрый рыбацкий приют.
Упругие струи заката
Под самую застреху бьют.
А мы веселимся, как дети,
Ломая калачик замка.
Ложимся на ветхой повети
И там задаем храпака.
Устало и накрепко спится,
Нам зорьку бы лишь не проспять.

А в хате вздохнет половица,
Хозяина вспомнив опять,—
Уж тот бы поправил крылечко,
Сменил бы бревешки венца...
А эти ночуют, конечно,
Половят и выпьют винца.
О дальних делах потолкуют
Меж рюмкою и балыком,
Но печку, как мать неродную,
Не повеселят огоньком.
Уедут на буднем рассвете,
Не сняв паутин с потолка...
А мы веселимся, как дети,
Сгибая калачик замка.

* * *

Полянка в розовых волнушках,
И я у них на побегушках.

Беру, спины не разгибая,
(Ее на службе так не гнешь!)
Подходит тучка дождевая
И затевает тихий дождь.
Меня погода не тревожит,
Мне одному легко сейчас,
Хотя сановный критик может
Тут усмотреть отрыв от масс.
Однако, если разобраться —
Пускай пример не так уж нов,—
От массы легче оторваться
В толпе, под звон колоколов.
А здесь, почувствовав тревогу
В глухом и неродном бору,
Кричишь: — Ау! Забыл дорогу! —
И слышишь отклики: — Ау! —
Сидишь под елью, как под крышей,
И осень, словно добрый пес,
С какой-то ласкою неслышной
Все тычет в щеку мокрый нос...

* * *

Как он был высокомерен встарь!
Басом разговаривал с народом!
Но поник он, словно календарь
За неделю перед Новым годом.

Не зовут в президиум уже,
Молча лишь приветствуют поклоном,
Будто он в домашнем неглиже
Повстречался бывшим подчиненным.

«Ничего, — бодрится, — ничего...
Мы еще поборемся, и крепко...»
Нынче кресло давит на него,
Как когда-то он давил на кресло.

Всем на свете в жизни обойден:
Дружбою, любовью, красотою,
Этого не понимает он
У пустынной злобы под пятою.

Календарь тончает отрывной,
Но ясны итоговые сметы:
Смерть его обходит стороной,
Жизнь его сторонится, как смерти.

ПАМЯТИ Н. РУБЦОВА

I

Душа поэта всем видна.
И показалась мне она
Сироткой робкой, что одна
В деревне, под дождем, босая,
Дыханьем руки согревая,
Стоит у каждого окна

В простой надежде: кто-нибудь,
Быть может, пустит отдохнуть,
А завтра утром снова в путь...
Куда, зачем, в края какие?
Все вдоль по матушке-России
Сквозь день и сквозь ночную жуть.
Пускай порою на нее
Спускали псов, несли вранье —
Россия — вот ее жилье!
И после мостовой дороги
Речонка ей плескалась в ноги,
Сушило солнышком рванье.
Душа поэта! Ей бы в скит,
Подальше от людских обид.
Но мне рассудок говорит:
Она б и там все то же пела,
Она б и там за всех болела,
Как на небе за всех болит.

*Снег летит на храм Софии...
Н. Рубцов*

II

Не нарушим твоей тишины,
Не замути прозрачной протоки,
Чтобы явственной были слышны
Нам твои голубиные строки.
И грибов твоих не оберем,
И синиц твоих не распугаем.
Дышим дружеским, старым добром
И на новое не уповаем.
Ты средь этих покатых полей
Жил с душою, что легче котомки.
Чем ты сам становился светлей,
Тем плотней обступали потемки.
Видно, боль наша не отболит,
Хоть и ходим с глазами сухими...

Негасимой свечою стоит
Светлый храм вологодской Софии.

* * *

И перед начальством не робею,
И вокруг надежные друзья,
И живу неплохо, как умею...
Только много ли умею я?

И от этой мысли снова сумяць
Залетает в душу, как в окно...
Хорошо, коль есть над чем подумать,
Это ведь не каждому дано.

* * *

Днем солнца нет, а ночью нет луны.
И желтая под фонарями вьюга.
Давно не слышно голоса жены,
Давно не видно весточки от друга.

Ты хочешь снова света и тепла?
Тебе уже одной работы мало?
Но жизнь такая у тебя была...
Чего же в ней тебе не доставало?

Не этой ли крошечной кутерьмы,
Чей свист порой закладывает уши...
Куда причудам матушки-зимы
До тех, что позволяют наши души!

Бессонницей глаза воспалены,
И жизнь в тебе,
Как тонкая рябина.
А кто-то смотрит там, со стороны:
Февраль...
Метель...
Обычная картина.

* * *

И вот пришла пора грибная!
Отныне, отдыха не зная,
Березняком да сосняком
С корзиною да посошком,
Как мирный леший, без пути
Иду — абы куда иди.
Да что же! Ведь и это счастье:
Лес тихий, теплое ненастье.
Скрипит в руке перевесло,
И человека понесло!
И вот я бью челом грибу,
Благодаря свою судьбу.
Уколы ласковые хвои
Меня спасут от всякой хвори.
Иду по чаще, напрямиком,
Лес мне, а лесу я знаком.
И мне денек порою мал!
Что значит плохо-то живал...

* * *

Дите уснуть не хочет,
Дите не хочет спать.
Поскрипывает оцеп,
Подремывает мать.
Храпит отец за дверью...
Зато не дремлет кот,
Ему не спится, зверю, —
Охотиться черед.
Он хвост несет, как свечку,
Гуляет не спеша
Да знай косит на печку,
Где я лежу, шурша.
Глаза кошачьи шают,
Как угольки, во тьме,
Мол, что они мешают,
Мышей пугают мне?
Мол, экие напасти!
Придется до поры
Свои упрятать снасти
В пушистые чехлы...

* * *

Таблетками накормлен до отвала.
Куда уж как невеселы дела!
Нередко мне болезнь бои давала,
Но приступом на этот раз пошла.
Унесены женою папирасы,
И запрещен врачами всякий труд.
А тем не стоит задавать вопросы,
Когда они уже не задают.
Не малое дитя, я понимаю...
Но выкарабкаться хочу опять...
И я сейчас такое вспоминаю,
Что вовсе не хотел бы вспоминать.
Да что! Не начинают жизнь сначала,
Когда года, как воды, протекли,
Когда огни последнего причала
Уже мерцают где-то невдали.
Какая уйма времени убита
На пустяки! И вот теперь стою
Не то что у разбитого корыта,
Но чувствую, что не бывать в раю.
А ведь хотелось жить начать сначала,
Сменить давно осточертевший быт!
Но совесть долго мучилась, молчала,
Теперь вот встрепенулась, закричала,
Да кто услышит, кто ее простит...

* * *

Прошла машина, тяжело дыша.
Осела пыль — и прояснились дали.
Куда спешить и жать на все педали?
Угомонись, веселая душа!
Стоит такой божественный закат,
Раздольно так и высоко пылает,
И облака лучами подпирает,
Что я закату, словно другу, рад.
И вообще идетя мне легко!
То под кустом увижу медуницу,
А то вспугну загадочную птицу
И взглядом провожаю далеко.

Куда спешить? — и я домой не рвусь.
Я предаюсь нежданному покою.
Запомнись же, запомнись мне такую,
Вечерняя и дорогая Русь!
А ты, душа, притихни поскорей,
Угомонись и полюби дорогу,
Что к лесу подается понемногу,
Как память сердца к юности моей.

* * *

Судьба ко мне явила милость
Любить поля твои и тишь.
Но как чудно ты изменилась,
Россия милая!
И лишь
Лесов осеннее сиротство,
Тоска, на лужах дождь рябой, —
Да вот и все, пожалуй, сходство
России новой и бывлой.

* * *

Уют деревенского крова:
Лежим на просторной печи,
И только за стенкой корова
Протяжно вздыхает в ночи.
И только гудок парохода
Пронзает ненастные сны,
И ветром шумит непогода
И пену сбивает с волны.
Но стены смолистые эти
Да печки жилое тепло
Душе говорят, что на свете
Не все с непогодой прошло.
И друга живое дыханье,
И близкий на окнах рассвет
Упрямо диктуют сознанию,
Что жизнь не окончена, нет!

Что тучи умчатся за ветром,
И выяснит дали мороз,
И выпадет первым приветом
Снег, ясноколючий до слез.
Ведь радости же неминучи,
Как вот неминучи пока
И эти простывшие тучи,
И хриплая нота гудка...

* * *

И до сих пор не слаб в коленках,
А раньше, милые друзья,
Как пионер на переменку,
Так выбегал из дому я.
Я знал ответ на все вопросы
Сознания и бытия.
— Не хмурь, бровей! Не вешай носа! —
Советовал, бывало, я.
Но время ль сложное настало,
А может, я глупее стал,
Но я слезаю с пьедестала
И ухожу за пьедестал.
Теперь среди забот о быте
Все чаще размышляю я:
По мирной ли летит орбите
Земля зеленая моя?
А что в Америке сказали?
И что у нас произнесли?
Земля летит в слепые дали!
Да не сошла б она с оси!
А если друг светловолосый
Советует от простоты:
— Не хмурь бровей! Не вешай носа! —
Я говорю: — Иди-ка ты...

* * *

Среди берез, на берегу реки,
Лужайки каблуками выбивая,
Играя, озоруя, выпивая,
Опустошая местные ларьки,
Среди берез, на берегу реки
Гуляет праздник, устали не зная.
Улыбкой доброй выгнута гармонь.
А гармонист басами все, басами!
И ноги в такт притопывают сами,
И люди, словно ночью на огонь,
Идут на ошалелую гармонь,
И пляшет дед с намокшими усами.
Пускай попляшет! Разве это грех
Народу отдохнуть перед страдаю,
Пред пылью сенокосною седою?
Пускай народ гуляет без помех
И даже выпьет! Разве это грех
Такой веселой праздничной порою?
Среди берез, на берегу реки
За песней песня да за словом слово
И даже крики! Что же тут такого? —
Поспорили немного мужики...
Среди берез, на берегу реки,
Здесь ничего не может быть плохого.
Здесь девушки плетут себе венки,
Ромашки и купальницы срывают.
А малые ребята затевают
Бежать куда-то наперегонки...
И облака проходят высоко
И солнца ни на миг не застилают.

* * *

В лесах разбитые проселки.
Не ходят даже трактора.
По ним гуляют разве волки!
Ноябрь. Угрюмая пора.
Есть, правда, клюква на болоте...

Но мне, бывает, в дровяник
И то порою неохота
Из дому выбежать на миг.
Но погоди, когда пристынет
Да первый выпадет снежок,
Тогда меня и след простынет —
Сию минуту за порог.
А только выйдешь за ворота,
Хоть гимны сразу же строчи:
Сияет на снегу ворона,
Как головешка из печи!

* * *

Снова играет полночная вьюга,
Память усталую расшевели,
Но не сойду я, как думают, с круга,
Рядом со мною родная земля.
Мне возвратятся и чистые слезы
Средь тишиной напоенных полей,
Не возвратятся лишь наши березы,
Бабушке не возвратиться моей.
В сердце навечно, как белые храмы,
Эти березы стоят у крыльца...
Мне возвратится улыбка мамы,
Мне возвратится голос отца.
Надо ль глядеть в запредельные дали?
С милой землею решаю вдвоем:
Если уж молодость переживали,
Старость-то как-нибудь переживем.
Снова играет полночная вьюга,
Память усталую расшевели.
И не схожу я, как думают, с круга,
А возвращаюсь на круги своя.

* * *

Зачем стихи и прозу ссорить?
Ленива и прекрасна Сороть!
Купанье утром — благодать!

Но баночка из-под помады —
Его чернильница — опять
Зовет искать другой отрады.
Какая глупость: «муки слова».
Есть мука автора! — и снова
Закрыт надежно кабинет,
Блестит чистая бумага,
И сладкая щемит отвага...
Его сегодня дома нет.
Он кончит ныне «Годунова»...
Строка последняя готова:
— Благодарю тебя, творец! —
Он безупречен, дерзок, честен,
И грозным звучит предвестием:
«Народ безмолвствует.
Конец».

* * *

Средь недописанных строчек
Посередине дня
Что же ты сжалась в комочек,
Бедная совесть моя?
Может, опять проглядели,
Как за пустой суетой
Мимо любви пролетели
Наши недели с тобой?
Что же ты, милая, плачешь?
Плакать еще погодим.
Может, порезала пальчик
Словом недобрим каким?
Слов этих было немало
В прежнее время у нас.
Глупая, все заживало,
Да заживет и сейчас.
Плохо утешил, впрочем...
Но не оставь меня
Средь недописанных строчек
Посередине дня.

* * *

Далекие прощальные зарницы —
То лета уходящего привет...
Над гнездами остуженными птицы
Вчера кружились, а сегодня нет.
Как поглядишь на скошенное поле
Да как примеришь к собственной судьбе! —
И побредешь к соседу поневоле,
Так сделается вдруг не по себе.
За куревом завяжется беседа,
Но говорим несложно, как всегда:
— Пожалуй, до весны не хватит сена...
— Ох, рано задождило ныне...
— Да...
И замолкаем, словно виноваты,
И хмуро смотрим в щели половиц...
Людей сближают общие утраты,
Как холода сбивают в стаи птиц.

* * *

Надень-ка валенки и белый полушалок,
Пойдем гулять по роще, за реку.
Снежку нападало из тучи обветшалой,
Нападало скрипучего снежку.
Пока в печи потрескивают плахи,
Пойдем смотреть разводья на реке
И воздух пить, что так ядрено пахнет
В поеживающемся сосняке.
И на морозце легком, а не лютом,
Желая удивить собою нас
Проткнет сосёнка неокрепшим клювом,
Как скорлупу, перестоялый наст.
Под гомон в чаще, гомон оголтелый
Подумается, но не вслух, а всласть:
«А не грачи ли это прилетели,
А не весна ли это началась?»

* * *

За воротник росой кропило.
Часовенки чернела тень.
Признаться, страшновато было
Ломать на кладбище сирень.
Она угарная стояла,
Покачивалась в тишине,
Цветами белыми сгорала
И обжигала руки мне.
А я, немного вороватый,
Ломал ее совсем не зря,
Влюбленный и невиноватый,
Что там ломаю, где нельзя.

* * *

Никто не умер от письма.
Я тоже не умру.
Давным-давно стоит зима,
Морозно на ветру.
Откуда долетает звон,
Не разберу никак.
Протопал дальше почтальон,
Улыбчивый добряк.
И так сияет вся земля,
Что боже упаси!
Спасибо, милая моя,
Спасибо же, спаси...

* * *

Замечаешь, наше лето стало краше.
Даже ночи стали краше над селом.
Завтра встанем и потопаем пораньше
По малинникам скрипеть перевеслом.
Постарее поищи сегодня платье,
Утром — только засветает — разбужу.

Проведу тебя и пустошью и гатью,
Не устанешь — и на вырубке свожу.
Там, на вырубках, не выбрана малина,
Вся тяжелая и темная подряд.
Только б головы малина не сморила,
От малины очень головы болят.
Видишь, неба потемнела половина,
А закатная присела полоса.
Надо спать. Пускай приснятся и малина,
И другие остальные чудеса.

* * *

Нарву цветов у старой школы,
Проникнув тихо в палисад.
Хотя и так уж клумбы голы
Стараньем тутошних ребят.
За сотню метров огибая
Все замечающих старух,
У дранью крытого сарая
Переведу спокойно дух.
Предвидя разные вопросы,
В уме ответы затвержу.
На дымные седые росы,
Поеживаясь, погляжу.
И вдруг припомню, как четыре,
А может, пять годов назад
Все так же дергачи частили,
Как и теперь они частая.
И так же холодило дали,
И так же рядышком со мной
Цветы поникшие лежали,
Но сорванные для другой.

* * *

На сходнях старого причала,
Достав из сумочки билет,
Ты милосердно обещала
Со мной увидеться...

И только бой часов старинный
Кота дремотного будил,
И вечер зимний, вечер длинный
В ночь милую переходил.
И все спешило жизнью тайной
Пожить, пока не рассвело,
И только ставен стук случайный
Откатывался за село...

* * *

И наша не хуже эпоха
Иных, отзвеневших эпох.
Случалось, живали без вздоха
И перепадало под вздох.
Случалось, на праздниках пляшем,
Полынные песни поем,
А то на коровушках пашем,
На танки с винтовками прем.
Летим над Землею в ракете,
Меняем лицо деревень...
За прошлое тоже в ответе,
Не только за будущий день.
Историю выучив в школе,
Мы поняли — слава одна
У тех, что на Марсовом поле,
С солдатами Бородина.
И, помня былого уроки,
Над Родиной солнце и дым,
Мы чистые наши истоки
Мутить никому не дадим.
Корежим, и строим, и пашем,
Безмерны в труде и любви.
И силушка дедичей наших
Гуляет по нашей крови.
Написано если на доле,
Ответим своей головой
За каждое русское поле,
За молот и серп полевой.

ПРИДОРОЖНЫЕ КАМНИ

* * *

Приозерная эта дорога
Торилась веками
Рыбаками, паломниками,
В катанках и босиком...
На обочинах камни лежат,
Придорожные камни,
Как усталые люди,
Что в землю уткнулись ничком.
Что у них накопилось
Под задубелою кожей?
Рассказали б о судьбах,
О мимопрошедших людских...
Но они не очнутся,
Пока не очнется прохожий
И не сядет рядком,
Бесконечно задумчив и тих.
И спиной приваляясь
К разогретому солнцем граниту,
Вдруг почувствуешь ты,
Будто крылья растут за спиной.
Ты же с предками связан
Не просто незримою нитью,
А дорогой на родину,
Родиною самой.
Так и взмыл бы, как птица,
Над пойменными ивняками!
Только не торопись,
Подвигайся неспешно пешком.
Уступают дорогу тебе
Придорожные камни,
Поздоровайся с каждым,
Пускай он тебе не знаком...

* * *

Побывали люди на Луне,
И на Марсе побывают тоже.
Побывать бы где-нибудь и мне,
И, возможно, побываю, что же...
Посмотрю на дальние края,
На природу их и на погоду.
Но боюсь, что затоскую я
По земле своей и по народу.
Это просто говорится так,
Что, куда хочу, туда и еду.
А тоска по родине — пустяк?
По отцу, по матери, по деду?
Как это устроено в душе,
Объяснят ли разные словечки?
Лишь бы дома, пусть и в шалаше,
Пусть и не у моря, пусть у речки.
Пусть она едва журчит у ног,
И над нею не шумят ветрила,
Но ее певучий говорок
Внятен мне — она меня вспоила.
Лягу под березой слушать птах,
Вновь ее весна принарядила.
Милая моя, в твоих лаптях
Вся Россия в люди выходила!
Побываем за границей, что ж...
Может, там края красивей даже.
Но куда от родины уйдешь?
Разве в землю родины — не дальше.

• • •

Постою иногда
У развернутой карты Союза,
Посмотрю я на россыпи
Столиц ее и городков.
Не забыли ли мы,
Моя редкогостящая муза,
Сколько всюду живет
Уважающих нас мужиков.

С кем и перед стипендией
Вместе жевали черняшку,
С кем и после стипендии
Мутное пили вино,
Где любой надевал
Самолучшую друга рубашку,
Если сам уходил
Со столичной девчонкой в кино.
Наша юность росла
Под рубцовской звездой полевой,
Что светила призывно
Для вечнoblуждающих нас.
Только каждый рожден
Под своєю заветной звездой
И у каждого свой
На работу нацелен компас.
Пусть не станут для нас
Маяками созвездья чужие,
И пускай новый друг
В сердце старого не заслонит.
Мужики дорожат
Тем, чем в молодости дорожили,
В сердце нет у них места
Для пустопорожних обид.
Уважаю врага
За приверженность к дружеским узам,
Уважаю зверье
За приверженность к стае своей.
Только верность одну
Не балластом считаю, а грузом,
С нею буду я жив
Даже и по скончании дней.

• • •

Дождь полуночный, дождь колыбельный...
Оттого-то дожди хороши,
Что на палубе нет корабельной
Ни одной подгулявшей души.
Не заводят «Амурские волны»,
И забортные еле слышны.
Захотелось не хлеба, а воли,
Одиночества и тишины.

Разве радости этой не стою?
И попробуй-ка тут не устать
Между небом плутать и землю,
Меж судьбой и желаньем плутать.
Сколько мной недоделано дела,
Недовитых оставлено гнезд!
Но не вся еще жизнь пролетела
И не все же в ней наперехлест!
И в какой-то момент запредельный
Вдруг сольются тоска и покой,
Как сливается дождь колыбельный
С темной настороженной рекой.

* * *

Как морозы землю ни терзали,
Май пришел — поляны расцвели.
Лопухи козырными тузами
Так и прут из матушки-земли!
Так вот и запенилась крапива,
И еще до полной темноты,
Чуть ее рососою окропило,
Перебила запахом цветы!
Даже мох позеленел на крыше.
Зеленей, родимый, зеленей!
Молодежь весельем так и пышет,
Старики — и те кряхтят бодрей.
Дачные и сельские народы,
Не теряя времени заязря,
Снова потянулись в огороды,
Покатили снова на поля.
Соловьи ночами засвистали
В зарослях дремучей бузины.
Рыбаки удилища достали,
Отложив шарманки до зимы.
Солнцем обогреты все былинки.
На земле такая благодать,
Что поэты, отложив былинки,
Начинают лирику писать.
И природа, с осени немая,
Окунувшись в море синевы,
Распеваает к середине мая
Голосами речек и листьев.

* * *
Свежеколотые дрова
До чего же ядрено пахнут!
И апрельская синева
Пролилась на каждую плаху.
Вырастай, поленица, с дом,
Чтоб на радость себе и людям!
Будем на зиму мы с теплом,
С жаркой баней на зиму будем!
И у всех окрестных дворов
Поднимаются слева и справа
Вороха березовых дров,
Как мужицкие доблесть и слава.
Даже дедко седой, как лунь,
Но и тот над дровами хлопочет.
И ничто-нибудь, а колун
Приподнять над чуркою хочет,
— Внуков, внуков-то подожди!
Старику старуха в окошко.
— К самовару давай иди,
Чай-то силы добавит немножко...

* * *

Не тратя времени без толку —
Мол, не дремли у нас, карась! —
Швырнули в речку столько толу,
Что к небу вылетела грязь!
И вот на берегу трясется,
В улове роясь, гражданин,
И, как за орденом, несется
Его подручный в магазин.
...Любители речной охоты
Со смирной удочкой в руке —
Они редки, как Дон-Кихоты,
Как рыба самая в реке.
Теперь для вящего позора —
Не стыд ли это, черт возьми! —
Заботы рыбохотнадзора
Свелись к надзору за людьми.

Но все же мир природы вечен,
И верю я, что в крайний час
Не мы его очеловечим,
А он очеловечит нас.

* * *

А кто слышал про Лисью гору?
В моем селе и то не всяк,
О прочих нет и разговору —
Ну кто же знает Лисью гору?!
А я скажу об этом так:
Пускай она не знаменита,
Туристов там помину нет,
Зато и солнышком повита,
И диким клевером покрыта,
И соснам там по сотне лет.
Сюда в каникульную пору
Мы часто бегали гурьбой,
И все искали без разбору:
Грибы и щавель, лисью нору,
Купались в речке под горой.
А было ль что малины слаще
Или княжицы — вырви глаз!
Сейчас бы снова в эти чащи!
Но, к сожалению, не часты
Отныне праздники для нас.
Пускай не часты — ну и что же! —
Зато свободный выходной
От этого всегда дороже.
Летишь сюда по бездорожью
На Лисью гору, как шальной.
И в час вечерний онемело
Глядишь с вершины на село:
Там солнышко, наверно, село,
Угомонилось все, отпело,
А здесь еще светлым-светло.

* * *

Сидим, почесываем темя,
Открещиваясь от забот,
Теряем золотое время,
А время знай себе идет.
Дела откладывать на завтра
Мы привыкаем день за днем.
Но вот подступит время жатвы,
И что тогда мы запоем?
Чем будет оправдать беспечность
В делах и помыслах своих?
У мертвых — да — в запасе вечность,
Иные сроки — у живых.
А кажется таким удобным
Твердить, что слава — это дым,
Что не помянут словом добрым,
Как не помянут и худым.
Но нет, наедине с собою
Любого пробивает дрожь,
Когда вечернею порою
Заводит песню молодежь.
А ты как будто подпеваешь
И с хором слиться норовишь,
А сам и слов ее не знаешь
И лишь губами шевелишь...

* * *

Д. А. Ускову

Посреди семейства и родни
Голову-то низко не клони,
Дорогой мой Дмитрий Алексенч!
Посмотри-ка, гости все уселись,
Так, давай, гармошку растяни,
Да споем про яблони и груши,
Про бойцов, шагавших под огнем.
Распотешим песней наши души
И еще по маленькой нальем.

Посмотри-ка на красавиц дочек,
Посмотри-ка на своих парней!
Что же ты еще от жизни хочешь?
А ведь ты немало видел в ней:
Потянул и лямку фронтovou,
И ломил в колхозе столь годков...
Вот за что тебя я поцелую,
Я, кто не целует мужиков!
Ничего, что я тебе не ровня
И велик в годах у нас провал.
Я тебя не знал еще,
Не помнил,
Но что есть такие люди —
Знал.

* * *

Поредела моя родня.
Нет ни деда уже, ни бабки,
И отца уже нет у меня...
Мыг все чаще снимаем шапки
На могилах близких людей.
Да и сами пришли к порогу,
Когда сердце болит острой.
И на прожитую дорогу
Смотришь пристально — так ли жил,
Тем ли идолам ты молился,
И тому ли делу служил,
И чего в том деле добился?
А на будущее — заметь —
Мы уже дела выбираем,
Чтобы выполнить их суметь
Перед смертным, последним краем.
Поредела моя родня,
Не забыта ее работа.
Вот бы этак и у меня...

Жить охота и петь охота!

* * *

Как непогода шумит в вершинах!
Гнет над рекой кусты!
Но среди сосен несокрушимых
Несокрушим и ты.
Как не тревожиться в мире тревожном?
Плакать же нет причин.
Вздых человека в шуме таежном
Попросту неразличим.

* * *

Родился мальчонка слабым —
Опечалился отец.
— Не жилец, — решили бабы,
Пожалели, — не жилец...
А ему и горя мало,
Накормили — и сопит.
За него сегодня мама
Не поест и не поспит.
Сколько будет этих ночек
Впереди — не сосчитать!
Сыном вырастет сыночек,
И старухой станет мать.
У него нейдет работа!
Дома чуть ли не развод!
Вновь у матушки забота,
Не поест и не попьет.
На руках старухи внуки,
Два здоровых сорванца.
Над старухой шутят шутики
Лучше мамки и отца.
То-то вырастут «громилы»,
То-то будут молодцы!
А она-то им кроила
Из грошей на леденцы.
Уработалась, пристала,
Подошли к закату дни.

— Всю-то жизнь не досыпала...
Баушка, передохни!
А она с печи бормочет:
— Ноет, батюшко, спина...
Стариковские-то ночи
Стали вовсе безо сна.

* * *

К чему пустые разговоры,
Что денег нету ни гроша,
Что люди — пьяницы и воры,
А ты — открытая душа.
Что на работе подсидели,
Начальство гнет тебя дугой,
Что ты и дышишь еле-еле,
А на курорт летит другой.
Мой милый, что это такое?
Вполне жену твою пойму:
С таким занудой и брюзгою
Легко ли жить в одном дому.
К чему пустые разговоры?
Ты лучше выскажись до дна:
«Хочу иметь золотые горы
И реки, полные вина...»

СТИХИ О ЕМЕЛЯХ

Емели оды петь умеют,
Других стихов не признают.
Одну неделю оды мелют,
А во вторую издают.
Пускают розовые трели,
Строчат годами без помех.
Не дураки пошли Емели,
Дурачат сами вся и всех.
Живут, привыкнув к манной каше,
Довольные своим мирком.
А мы на них рукою машем,
Когда бы надо — кулаком!

* * *

Ветер в ивах, ветер на воде,
Ветер колобродит две недели!
А птенец пищит в своем гнезде
Над водою, словно в колыбели...
Смотрит на меня, на рыбака...
Эх, ребята, — вы забота наша!
Мне совсем не жалко червяка,
Что из банки тащит твой палаша.
Я и сам торчу не просто так
И вершу неведомое действо.
Ну какой же буду я рыбак,
Коль ухой не угощу семейство!
И замолк накормленный птенец,
Понял головою полоротой
То, что я, как и его отец,
Занят государственной работой.

РОМАНС О СВЕТЛЫХ НОЧАХ

Белые ночи
Стоят на высоких широтах,
Черные ночи
На нижних широтах лежат.
Здесь же
На наших полях, и лесах, и болотах,
В наших умеренных
Сходятся зори в обхват.
Ночи июньские,
Светлые юности ночи
Снова приходят,
Как многие годы назад.
Пусть для меня они
Стали намного короче,
Но для меня они
Больше чем вам говорят.
Светлые ночи...
И бой соловьиный рекою!
И потому
Так призывно сияет сирень,

Чтобы все я,
Как раньше, коснулся рукою,
Прежде чем выйти
В протуберанцевый день.

* * *

Ты не думай, что песенка спета,
Отмахни свою челку со лба.
Снова дымными тропами лета
Нас опутывает судьба.
И костры на дорогах разводит,
И следит, чтоб огонь не погас.
И как облако в облако входит,
Так сливаются души у нас.
Ветер дождь перед нами качает,
Но пройдет, погоди, полчаса —
Снова солнышко увенчает
Надо мной и тобой небеса.
А давно ли казалось, что счастье
Нам с тобой не достать, не под стать.
Нам казалось, на птице летящей
Легче перья пересчитать.
Только дымными тропами лета
Мне уже не расстаться с тобой.
Значит, песенка счастья не спета!
Слышишь — жаворонки над головой...

* * *

Эх, покурю-ка, давно не закуривал!
Спать убреду в сеновал.
Эх, по избе моей веник не гуливал,
Ветер зато погулял.
Куревое крошится, спички ломаются,
Все, брат, одно к одному...
Сколько еще одинокому маяться
В этом остылom доме!

76

Самая близкая и невозвратная,
Что же наделали мы?
Где же дорожка твоя подзакатная
Пересекает холмы?
Может быть, сны твои —
Пусть и недолгие! —
В нашей бывают избе,
Как и мои улетают бездомные
Каждою ночью к тебе.

* * *

Опять вокруг рабочего стола,
В окне передо мной и надо мною
Смыкается предательская мгла,
Как черная вода над головою.
Непроницаем заоконный мрак,
Там без опаски не ступить ни шагу,
Там только лай сторожевых собак
Преследует какого-то беднягу.
Гори, гори, свечи огонь живой,
До предопределенного рассвета!
Декабрьской полночью одним тобой
Моя душа жива и обогрета.
Не угасай, не поддавайся сну,
Не угасай, мне тоже нет покою,
Покуда ночь не выпустит луну
Над гололедной нашей стороною
И отпускник веселый не пройдет,
В последний раз гармошку надрывая...

Но вот и псы замолкли у ворот,
Осипшие от холода и лая.
Целительна ночная тишина,
И так привольно в ней воображенью,
Где, как живая, царствует весна
В цвету черемух и скворчином пенье,
Где на свечи полночный огонек,
Когда окно распахнуто широко,
Заглянет человек и мотылек,
И никому уже неодинок...

СОДЕРЖАНИЕ

Дни покоя

«Ах как ласточки реяли в выси!..»	5
«Свалянные травы под ногами...»	—
«Далеко, за темными холмами...»	6
«Благословенны дни покоя...»	—
«Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой...»	7
«Пускай со мной душа моя умрет...»	—
«Шуршат сухие ивняки...»	8
«Мне жалко покидать реку...»	—
«До свиданья, родная сторонка!..»	9
«Сияет Ясная Поляна...»	10
«На улице, наверно, застывает...»	—

Дым разлуки

«Поле перемечено стогами...»	11
«Кончилось осеннее ненастье...»	—
«Листвы караваны за осенью следом...»	12
«Стужа на душе и непогода...»	13
«Открою дверь на легкий стук...»	—
«Бессонницы тревожный бред...»	14
«Люблю ночной порой не зажигать огня...»	15
«Столько грязи опять и осеннего холода столько...»	—
«И снова праздник наш печален...»	16
«Поют соловушки во мгле...»	—
«Сижу рыбачу... Только зря...»	17
«Летит листва, легко черкает оземь...»	18
«Ни звезды, ни ясна месяца...»	—
«Покрыты сплавом берега реки...»	19
«Она давно живет одна...»	—
«Полузабытой дорогой неспешно шагаю...»	20
«Постой же! Погляди сюда...»	—
«Душа, словно птица, пуглива...»	21
«Дрова подсохли на повети...»	—

Осенний перелет

«Осенняя заря, заря глубокая...»	22
«Опять, робея, ухожу под липы...»	—
«Мама жизнь прожила...»	23
«Передо мною чистая страница...»	24

«Люди вынули зимние рамы...»	26
«Мне тяжело, когда, верно привычке...»	—
«Столько зелени на островах...»	27
✓ «Ах, опять на равнинах безбрежных...»	28
«Вечеровые птахи тепели...»	29
✓ «Над Ростовом не звенят колокола...»	30
«Полжизни прожил, не умея жить...»	—
«Качнулись под крылом деревья...»	31
«Горька у старика судьбина...»	—
«Давно ли здесь — скажи на милость...»	32
«Лепечет дождь в открытое окно...»	—
«Подвигаюсь к вечному порогу...»	33
«Темна осенняя вода...»	34
«Небеса с одной-единой тучкой...»	—
«Сближаем страны и народы...»	35
«И хотел бы в деревню родную...»	36
«В старинном прионежском городе...»	37
«Ах, милая моя! Да я бы...»	—
«— Начнем, — умолял я, — сначала!..»	38
«От снов о тебе и бессонниц...»	39
«Здесь ты жила. Вот здесь росли цветы...»	—
«Ушла жена от мужика...»	40
«Породистые — не подыщешь слова!..»	41
«На таежной станции цыгане...»	—
«Над рекой слоистые туманы...»	42
«Гармоники разгульно пели...»	—
«Опять взошла, взошла звезда вечерняя...»	43

Ночь часов

«Снова на родимой стороне...»	44
«Стоит июль. Стоит жара...»	—
«Такое дождливое лето...»	45
Художнику Михаилу Брагину	—
«Рыбными были реки...»	46
«Стоит одинокая хата...»	47
«Полянка в розовых волнушках...»	48
«Как он был высокомерен встарь!..»	49
Памяти Н. Рубцова:	—
1. «Душа поэта всем видна...»	—
2. «Не нарушим твоей тишины...»	50
«И перед начальством не робею...»	51
«Днем солнца нет, а ночью нет луны...»	—
«И вот пришла пора грибная...»	52
«Дите уснуть не хочет...»	—

«Таблетками накормлен до отвала...»	53
«Прошла машина, тяжело дыша...»	—
«Судьба ко мне явила милость...»	54
«Уют деревенского крова...»	—
«И до сих пор не слаб в коленках...»	55
«Среди берез, на берегу реки...»	56
«В лесах разбитые проселки...»	—
«Снова играет полночная вьюга...»	57
«Зачем стихи и прозу ссорить?...»	—
«Средь недописанных строчек...»	58
«Далекie прощальные зарницы...»	59
«Надень-ка валенки и белый полушалок...»	—
«За воротник росой кропило...»	60
«Никто не умер от письма...»	—
«Замечаешь, наше лето стало краше...»	—
«Нарву цветов у старой школы...»	61
«На сходнях старого причала...»	—
«Язык любви, язык цветов...»	62
«Недалекой бедою грозят лиловые тучи...»	—
«О милая! Наш миг неповторим...»	63
«Зима глубокая стояла...»	—
«И наша не хуже эпоха...»	64

Придорожные камни

«Приозерная эта дорога торилась веками...»	65
«Побывали люди на Луне...»	66
«Постою иногда у развернутой карты Союза...»	—
«Дождь полуночный, дождь колыбельный...»	67
«Как морозы землю ни терзали...»	68
«Свежеколотые дрова до чего же ядрено пахнут!..»	69
«Не трать времени без толку...»	—
«А кто слышал про Лисью гору?...»	70
«Сидим, почесываем темя...»	71
«Посреди семейства и родни...»	—
«Поредела моя родня...»	72
«Как непогода шумит в вершинах...»	73
«Родился мальчонка слабым...»	—
«К чему пустые разговоры...»	74
Стихи о Емелях	—
«Ветер в ивах, ветер на воде...»	75
Романс о светлых ночах	—
«Ты не думай, что песенка спета...»	76
«Эх, покурю-ка, давно не закуривал!..»	—
«Опять вокруг рабочего стола...»	77